

С. Л. Бурмистров

С. Дасгупта и Колин Уилсон: конвергенция на поле эстетики?

Является ли содержание художественного произведения эстетической категорией? На этот вопрос отвечают по-разному: кто-то полагает, что художественное произведение является таковым безотносительно к тому, что именно в нем выражено, для других содержательная сторона представляет собой существенный фактор в оценке эстетического качества произведения. Английский философ и писатель Колин Уилсон относится ко второй категории: невозможно художественное произведение ни о чем; в крайнем случае возможна ситуация, когда произведение сообщает о чем-то не прямо, «открытым текстом», а своей особенной формой или, скажем, намеренным умолчанием о том, что читатель или зритель ожидает увидеть.

Такого же мнения придерживается и индийский философ и историк Сурендранатх Дасгупта. По его мнению, искусство представляет собой стремление выразить определенное содержание и ради этого можно пожертвовать объективной достоверностью, чтобы усилить достоверность психологическую. Во всяком случае, именно таково индийское искусство: «Индийский художник чувствовал, что имеет право подчинить требование анатомической точности интересам выражения внутренней жизни» [*Dasgupta S. N. Fundamentals of Indian Art. Bombay, 1954, p. 24*]. Индийское искусство для Дасгупты всегда было выражением и воплощением чисто религиозных интересов человека, так что каждое произведение искусства в Индии имело или должно было показывать адресату — читателю или зрителю — пути достижения мокши (освобождения от мирских страданий) или нирваны (в буддизме — угасания всех аффектов). Иными словами,

искусство для Дасгупты имеет сотериологический характер и лишь постольку и является искусством. То, что не показывает человеку пути к спасению, искусством не является и может служить только развлечению. Как видно, содержательный критерий здесь доминирует над формальным: если в произведении нет идеи, оно не относится к искусству; более того, даже не всякая идея делает произведение эстетически ценным, но лишь та, которая имеет положительное религиозное значение. Очевидно, что в концепции Дасгупты эстетическое подчиняется религиозному и выступает фактически как один из его вариантов.

У Дасгупты речь идет главным образом об изобразительном искусстве. Главной темой К. Уилсона, как видно уже из названия его работы, является литературное творчество. Но взгляды его, тем не менее, аналогичны воззрениям Дасгупты. Искусство становится осмысленным, по его мнению, лишь тогда, когда автор произведения ставит собственные вопросы, актуальные именно для него, и пытается по мере сил на них ответить. Одна форма, как правило, явно недостаточна для этого, ибо, чтобы высказать что-то свое при помощи одной только формы, нужно исключительное литературное мастерство, которое дано не всем. «Рассказ или роман — это попытка писателя создать ясный образ самого себя» [Уилсон К. Мастерство романа / Пер. с англ. Н. Баева. — <http://temniykot.narod.ru/Masterstvo-romana.rar>, 15.01.2008], и именно такова будет содержательная сторона художественного произведения. Согласно Уилсону, писатель, создавая рассказ или роман, пытается фактически создать самого себя и отвечает на экзистенциальные вопросы: «Кто я? Каково мое место во Вселенной? Что я должен делать в этой жизни, чтобы оставаться самим собой?». Иными словами, основное различие, например, литературы (в узком смысле слова) и беллетристики у Уилсона оказывается близким к различию понятий *Rede* и *Gerede* у Хайдеггера: в первом случае это глубокая, по сути — исповедальная речь, которую

невозможно обратиться к кому попало, во втором — безответственный разговор, ничего не меняющий ни в адресате, ни в адресанте. Основным моментом у Уилсона является роль литературной работы как деятельности автора по созданию самого себя. Писатель только тогда создает что-то художественно ценное, когда в самом своем произведении добивается целей, имеющих прямое отношение к становлению его как личности. В этом отношении Уилсон близок к Сартру с его тезисом: «Мы действуем так, каковы мы сами, и наши действия участвуют в создании нас самих» [Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто / Пер. с франц. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000, с. 463]. Уилсон пытается показать значение творчества именно как самосозидательной деятельности.

Эти концепции примечательны своим сходством: в обоих случаях целью художественного творчества является экспрессия, облеченная в понятную для адресата форму, не искажающую при этом содержательный аспект произведения. Но важнее то, что в них исследуется почти забытый на рубеже XXI века эстетический критерий: выразительность должна иметь под собой какую-то основу, «означаемое», при отсутствии которого сама категория выразительности обесмысливается. Искусство должно говорить *о чем-то*: о Боге и спасении (как у Дасгупты) или о человеке, сознательно и намеренно делающем себя человеком (как у Уилсона) — в любом случае в искусстве важна *идея, мысль, взгляд на жизнь*, что и делает его искусством. Конечно, эксперименты с художественной формой допустимы, но, согласно Уилсону и Дасгупте, следует помнить, что форма должна облекать определенное содержание.